

Самовар свистал в три свиста.
Торопяся и шала,
Три румяных гимназиста
Уплетали кренделя.

Чай со сливками любовно
Им подсовывала мать.
«Вновь проспали! Девять ровно!
Надо раньше поднимать!

Всё поблажкам нет предела!» —
Барин ласково гудел.
Мать на младшего глядела:
«Вася будто похудел...

Нету летнего румянца!...»
Состоя при барчуках,
Тяжка мой три школьных ранца
Уж держал в своих руках,

А за ним пугливо сзади
Я топтался у дверей.
Барин снова: «Бога ради,
Мать, корми ты их скорей!

Вот! — он к тятке обернулся. —
Сколько нам с детьми хлопот.
Из деревни твой вернулся?
Разве зимних нет работ?

А, с книжонкою мальчишка?!
Велики ль его года?
Покажи-ка, что за книжка?
Подойди ж, дурак, сюда!»

Я стоял как деревянный.
Тяжка подал книгу вмиг.

«М-да... Не-кра-сов... Выбор странный!..
Проку что с таких-то книг?!

Ну, стишки!.. Ну, о народе!..
Мальчик твой по существу
Мог бы лучше на заводе
Обучаться мастерству!..

Или все мужичьи дети
Рвутся выйти в господа?..
И опять же книги эти...
Сколько скрыто в них вреда!..

Дай лишь доступ в наше время
К их зловредным семенам!»
Тяжка скрёб смущённо темя:
«Что уж, барин!.. Где уж нам!..»

Я со страху и печали
На ногах стоял едва,
А в ушах моих звучали
Сладкой музыкой слова:

«Ноги босы, грязно тело,
И едва прикрыта грудь...
Не стыдися! что за дело?
Это многих славных путь
.....
Не без добрых душ на свете —
Кто-нибудь свезёт в Москву,
Будешь в университете —
Сон свершится наяву!

Там уж попроще широко:
Знай работой да не трусь...
Вот за что тебя глубоко
Я люблю, родная Русь!»